

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ТРЕБОВАНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ: РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ И ЕВРОПЕ*

М.М. Мчедлова

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, 117198

В статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием на социально-политическую реальность современного состояния религиозности в России и Европе. Особый акцент сделан на проблеме актуализации религии как основания культурно-цивилизационной идентичности, потребовавшей новых политических стратегий, прежде всего на основе принципа толерантности.

Современный мир находится в состоянии, где главным объяснительным императивом становятся происходящие широкомасштабные изменения. Новые пост-модерные реалии определяют содержание и смысл существования общества и всех его сфер. Однако ни одно устойчивое социокультурное образование не может существовать без религиозно-этических систем, подпитывающих культурную матрицу. Религия как глубинный фактор, более долговременный, чем политические и идеологические пристрастия, определяет наиболее устойчивые формы и основания социального устройства, его цивилизационную специфику. Социокультурные образования, как западные, так и незападные, вынуждены обращаться к тем критериям устойчивости, которые доказали в течение длительного времени свою роль в обеспечении их сохранения и выживаемости.

Современные социально-политические и экономические трансформации, как показало время, не ведут к состоянию «всеобщего благоденствия» и не приближают мир к классическому идеалу социальной справедливости. Наоборот: и на быденном уровне, и на уровне рефлексии фиксируется углубление социального и политического неравенства между индивидами и государствами, обострение социальных противоречий, крах «государства благосостояния». Эффекты транснацио-

* Работа выполнена при содействии Российского гуманитарного научного фонда (проект 06-03-00046а).

нальности и атопичности в качестве следствия привели к новому «великому переселению» народов и религий, обнажив и высветив неэффективность традиционных стратегий межкультурных и межрелигиозных контактов. Возникновение нового социального класса «новых кочевников» (Ж. Аттали), не работающих, не привязанных к определенной местности и определенным ценностно-культурной матрице, навязывающего собственные стандарты поведения, находящиеся вне устойчивых представлений и ценностей, также заставляет устойчивые социально-культурные образования искать механизмы своей выживаемости в традиционном культурном поле. Поэтому столь острое звучание сегодня приобрела проблема толерантности как основания сосуществования различных больших социальных групп.

В наиболее общем смысле толерантность трактуется как «способность и умение терпеть «что-либо чужое» [7. С. 1216] «снисходительность и готовность быть терпимым», уважительное восприятие чужой самобытности» [3. С. 23]. Толерантность можно рассмотреть как «признание и уважение прав и свобод человека, которые, несмотря на все различия, должны быть одинаковыми для всех» [6. С. 180].

Другой гранью толерантности является «готовность принять «других» такими, как они есть, и взаимодействовать с ними на основе понимания и согласия» [4. С. 32]. В Декларации принципов толерантности, принятой Генеральной Конференцией ЮНЕСКО в 1995 году, понятие толерантности определено как уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности (Статья 1 Декларации принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года).

Однако трактовка толерантности исключительно в контексте терпимости не представляется эффективной, поскольку толерантность апеллирует к приобретенной устойчивости, в том числе устойчивости к неопределенности, конфликтам, поведенческим отклонениям. Другой ее составляющей является готовность к компромиссам.

В значении цивилизованного компромисса толерантность — это определенная граница терпения, «здесь нет речи о понимании или принятии другого таким, каков он есть... речь лишь о строгом выдерживании допуска, за пределами которого толерантность трансформируется в свою противоположность» [5. С. 9]. В значении «исторического права на непохожесть, отличность, инаковость» толерантность выступает как «условие сохранения разнообразия». «Если разнообразие людей, культур и народов выступает... как ценность и достоинство культуры, то толерантность представляет собой норму цивилизованного компромисса между конкурирующими культурами... выступает условием сохранения разнообразия, своего рода исторического права на отличность, непохожесть» [1. С. 9].

Т.о., толерантность представляется одним из характерных качеств культуры — поскольку обществу, состоящему из различных групп, свойственны разные воззрения и интересы — социальные, экономические, национальные, вероиспове-

дальные, то толерантность неизменно выступает основой их цивилизованных взаимоотношений. Особенно необходима толерантность в России не только ввиду ее особенностей, но и из-за отсутствия четких идейных ориентиров, переоценки нравственных ценностей, разрушения традиционной ценностной структуры, вызывающей не только острые столкновения и дискуссии, но и недопустимую практику.

Поскольку религия является одним из наиболее устойчивых факторов, определяющих цивилизационную специфику социума, то в отмеченных координатах переустройства социальности представляется гносеологически важным рассмотреть религию, вплетенную в ткань социальных отношений таким образом, чтобы раскрыть и понять развитие социокультурных взаимосвязей. И здесь следует отдавать отчет, что все, что касается религиозной сферы, требует ясного и четкого понимания используемых понятий и терминов. Это тем более важно, что они не всегда в полной мере совпадают в бытовом и научном словоупотреблении, а тем более в политизированной риторике. Речь идет о том, что означают термины «традиционная» религия, степень религиозности и т.д. Ведь во многом от четкого и ясного употребления понятий, от ухода от навязанных мифов и клише в сторону объективного анализа зависит адекватность результатов исследования и, как следствие, наши выводы и объяснительные схемы. Так, есть объективные факторы, позволяющие исследователю использовать термин «традиционная религия», не придавая ему политико-правового измерения и не видя в этом дискриминации других вероисповеданий. К этим факторам относится прежде всего степень воздействия данной религии на ментальность и образ жизни народа или группы народов, на становление и развитие государственности и национального самосознания, на поведенческие стандарты и мировосприятие. Разумеется, эти функции религиозная организация обретает и реализует при весьма длительном существовании среди значительной части населения. Именно принимая во внимание данные положения, мы можем сравнивать особенности религиозно-культурных доминант, оказывающие влияние на общественные, политические и индивидуальные практики в различных странах Европы. Особую остроту придает тенденция к сокращению количества практикующих верующих в странах Европы, а также внедрение в европейское пространство больших масс людей, принадлежащих к иным культурно-религиозным ареалам. Не случайно в последнее время все чаще звучат призывы от политических деятелей в Европе о необходимости возврата к ее христианским корням (Н. Саркози), поднимаются вопросы пересмотра некоторых положений с целью приспособления церковных канонов к новым веяниям (дискуссия о celibate или о реабилитации Мартина Лютера).

Исследование воздействия религиозности на политическую ткань России и сравнение с аналогичными процессами в Европе позволяет ответить на ряд вопросов. Во-первых, на фоне повышения активности конфессиональных структур, их активной деятельности в областях благотворительности, милосердия, возрождения традиционных ценностей и нравственных оснований оно дает возможность показать реальную картину — состоялось ли религиозное возрождение в России либо процесс «расколдования» мира необратим и современность вытесняет религиозную активность и практику на периферию социальной и личной жизни; вы-

явить взаимоотношение консервативного и подвижного: как степень и характер религиозного самоопределения воздействует на формирование социальных, политических, культурных и иных предпочтений и ориентаций. Во-вторых, сравнить, как данные процессы проявляются в других европейских странах и как наиболее острые вызовы современности: политика, миграция, семейный кризис, падение уровня общественной солидарности, нетерпимость и толерантность — проявляются в странах с различными религиозными традициями. И, наконец, выяснить, насколько религия помогает сохранять устойчивость в современном мире, координаты которого меняются так быстро, что даже «...указатели поставлены на колеса и имеют дурную привычку исчезать из вида, прежде чем вы успеете прочесть то, что на них написано, осмыслить прочитанное и поступить соответственно» [2. С. 113—114]

По данным европейского социального исследования ценностей (ESS-2007), проведенного в 26 странах Европы, российское общество делится примерно на две части: к последователям религии относит себя 49,1% россиян, 48,3% — нет.

Рис. 1

При сравнении с количеством причисляющих себя к последователям определенных религиозных течений в странах Европы следует обратить внимание на следующие параметры. Европу достаточно сложно воспринимать как нечто усредненное: в различных странах Европы количество считающих себя последователями религии неодинаковое, однако есть страны, в которых подавляющее большинство считают себя таковыми.

Причем это не зависит от того, в какой части Европы находятся данные страны или от конкретного религиозного течения. Практически все население таких стран, как Кипр (98,5%), Румыния (92,3%) и Польша (92,9%) заявляет о своей приверженности к определенному религиозному течению; чуть меньше последователей определенных конфессий в Португалии и Ирландии — 86,6 и 80,4% соответственно. Наименьшее количество считающих себя последователями религии в Нидерландах (40,6%), Швеции (31,7%), Эстонии (28,4%). Россия (49,1%) по данному показателю находится между Францией, являющей наиболее длительные традиции светскости (48,8%) и Словенией (50,2%). Если сравнить Россию с Украиной, то оказывается, что в последней практически в 2 раза больше людей, заявляющих о своей принадлежности к определенной конфессии.

Считаете ли Вы себя последователем какой-либо религии, вероисповедания?
 (Указан % тех, кто считает себя последователем какой-либо религии, вероисповедания)

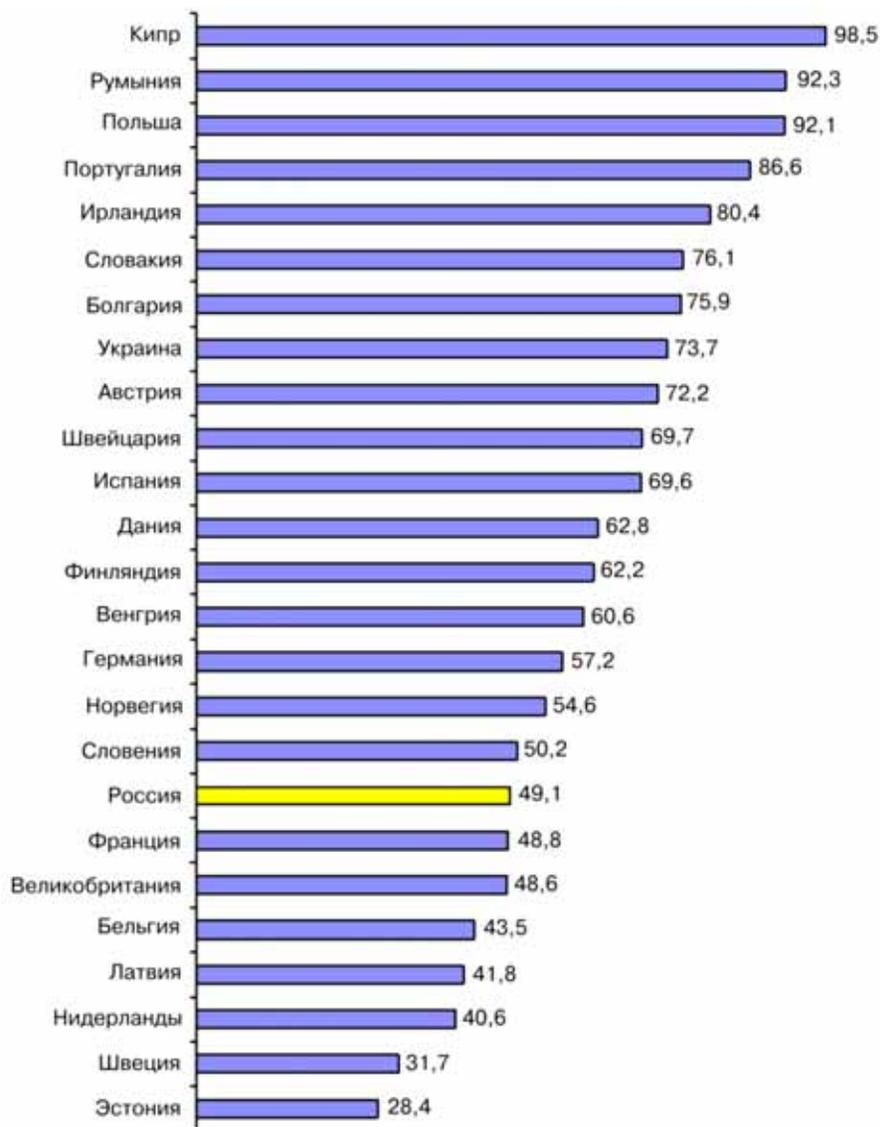

Рис. 2

Причины и объяснения столь разного числа последователей различных конфессий в странах Европы могут быть весьма разнообразными: это и исторические традиции, в том числе секулярности, и национальный характер, и различные политические и идеологические перипетии. Однако очевидным представляется новое прочтение в осознании себя последователем определенной религиозной традиции — как основание культурной самобытности, а не как вера как таковая. В подобном контексте на Кипре, практически полностью заявившем о своей конфессиональной принадлежности, население являет собой консолидацию на основании глубинного религиозного идентификационного параметра, столь необходимого для выживания общности в сложившихся этническом и политическом окруже-

нии. Это же положение можно отнести и к Ирландии. Логично предположить, что скрепляющим общность в Польше и Румынии фактором также является религия, поскольку эти две страны на протяжении длительной истории не могут определиться со своим политическими и культурно-идентификационными ориентирами, что заставляет опираться на более устойчивое основание. Нельзя сбрасывать со счетов и национальный характер различных народов, ведь религия воздействует прежде всего на сферу общественной и индивидуальной психологии, когда от глубины и характера эмоций и экзальтированности зависят и форма выражения приверженности к религиозному течению, и количество последователей.

В России, среди тех опрошенных, кто относит себя к какой-либо религиозной конфессии, подавляющее большинство считают себя православными христианами — 87,0% (от общего числа россиян — 42,7%). На втором месте в рейтинге самых распространенных в России конфессий — ислам: 11,3% верующих (≈5,5% от числа всех опрошенных) идентифицируют себя с мусульманами. Приверженцы любой другой религии составляют менее 1% россиян. Такое положение вещей подтверждается и многолетним мониторингом Центра «Религия в современном обществе» Института социологии РАН. Однако следует отметить, что несмотря на то, что последователи буддизма или протестантских конфессий составляют в данном опросе 0,4 и 0,2% соответственно, вряд ли стоит элиминировать из анализа особенностей религиозности в России данные когорты верующих. Это объясняется исторической ролью отмеченных религиозных традиций в структуре российского общества. Так, буддизм является доминирующей религией в трех субъектах Федерации, по территориальному охвату далеко не маленьких, а его последователи живут на своих исконных территориях, в исторических ареалах бытия. Последователи протестантских конфессий составляют, по данным многолетнего мониторинга ИС РАН, около 1 млн граждан России. Именно представители различных течений протестантизма являются в России наиболее сплоченными, наиболее религиозно активными, а также наиболее приверженными установкам активистской гражданской культуры.

Обращает на себя внимание также факт, что позиционирующих себя как не являющихся последователями определенных конфессий в России на 20% больше, чем тех, кто никогда не отправляет внешних атрибутов культов. Представляется важным акцентировать внимание на двух моментах.

1. Среди людей, не являющихся последователями определенных конфессий, также высок уровень духовных исканий, порядка 30% процентов заявляют о своей сильной и даже глубокой религиозности, что свидетельствует о потребности в поиске трансцендентного основания.

2. Около четвертой части православных и мусульман (25,8% и 24,6% соответственно) считают себя скорее нерелигиозными людьми, а значит, позиционируя себя как последователей православия или ислама, они, скорее, обозначают свою принадлежность к той или иной культурной традиции, нежели связывают это с вопросом веры.

Таким образом, актуализация религиозной идентичности является показателем не возрастающей религиозности населения и его возврату к вере, а, скорее, повышения роли устойчивых культурно-цивилизационных характеристик в жизни индивида и общества. Обратим внимание, в частности, что данное явление, когда число респондентов, заявляющих о своей принадлежности к той или иной конфессии, оказывается существенно больше числа верующих в Бога, неизменно фиксируется и опросами Центра «Религия в современном обществе» ИС РАН. Очевидно, что религиозная самоидентификация нередко определяется не столько по принадлежности к той или иной религии, сколько на основе соотнесения себя с определенной национальной культурой, образом жизни, в значительной мере сформировавшимся под воздействием данной религии («русский, поэтому православный», «татарин, поэтому мусульманин»). Правильность подобного положения подтверждаются и данными Европейского социального исследования: в России близость с людьми той же веры всегда или иногда ощущает подавляющее число респондентов, даже если они не являются последователями религии или не являются практикующими верующими. При этом чаще всего это чувство испытывают мусульмане (61,6%) и глубоко религиозные люди (67,6%). Подобное чувство все время испытывает 50% православных, а среди неверующих — 28,8%.

Таким образом, институционализованные российские конфессии распространяют в определенной мере свое влияние на неверующую часть населения, вследствие чего граница между верующими и неверующими не является непрозрачной и незыблемой. Более того, ежегодные опросы Института социологии РАН стабильно показывают, что более 65% респондентов, то есть в том числе известная часть неверующих, признает в той или иной мере авторитет Церкви в социальных и моральных вопросах. Не случайно во всех опросах, связанных с доверием к социальным и гражданским институтам, религиозные организации занимают лидирующее место (после Президента и армии).

В европейских странах среди последователей религии абсолютное большинство составляют представители христианских конфессий, подтверждая христианское основание европейской цивилизации, причем сохраняя традиционные ареалы их распространения: относящих себя к католической церкви во Франции 84,9%, в Португалии 96,9%, Испании (94,2%), в Польше 98,7%, в Бельгии — 90%, протестантские течения преобладают в таких странах, как Дания, Норвегия, Финляндия и Швеция (до 90%). Необходимо также отметить высокий процент последователей римско-католической церкви в таких странах, как Словения (92,8%), Словакия (81,6%), а также Венгрия (67,5%). В России, Румынии, Украине и Эстонии большинство верующих являются последователями православной церкви (83,6%, 87,6%, 82,4% и 63,7% соответственно).

Таким образом, можно констатировать, что сложившаяся религиозная карта Европы пока еще остается христианской. Однако современные миграционные процессы и социокультурные тренды привели к размыванию гомогенного культурно-религиозного европейского пространства и в странах Европы наблюдаются вкрапления групп, причисляющих себя к последователям иных религиозных сис-

тем, прежде всего ислама: так, в Бельгии их насчитывается 6%, во Франции — 8,3%, в Швеции — 5,3%, в Швейцарии — 4,7%, в Великобритании — 4,4%, в Германии — 3,6%. Интересным представляется факт, что количество мусульман выше именно в тех европейских странах, где наименьшие показатели религиозности среди традиционного населения. Это также подтверждает тезис о том, что религиозная принадлежность сегодня воспринимается скорее как стабильное идентичностное основание, чем приверженность к определенной совокупности догматических постулатов.

Следует подчеркнуть, что, в отличие от России, где мусульмане проживают на своих исконных исторических территориях и являются неотъемлемой частью российской цивилизации, в Европе мусульманские анклавов представляют собой иную, пришедшую извне традицию, воспринимаемую как чуждую. Этим объясняется и достаточно остро стоящая проблема нахождения способов сосуществования различных религиозно-этических традиций, и проблема миграционных трендов, которую образно можно назвать «великим переселением народов и религий».

Проблема миграции и отношение к иммигрантам выходит в пул основных проблем современности, видоизменяющих привычный облик этно-конфессионального баланса и вызывающий необходимость новых стратегий межкультурных контактов. Следует отметить, что в целом и в России, и в Европе отношение к иммигрантам достаточно лояльное, хотя в России более настороженное. Не более 2,5% верующих считают, что иммигранты способны обогатить российскую культуру. Мусульмане и глубоко религиозные люди более лояльны к мигрантам, однако признавать это панацеей для экономики России согласны только 1,5% православных и 6,7% мусульман, а благом для культуры — 1,8% православных и 8,1% мусульман. Европа более политкорректна в оценках экономического и культурного потенциала иммигрантов, и большинство последователей религии (в том числе и христианских конфессий) высказывается за то, иммигранты скорее помогают экономике страны и обогащают существующую в стране культуру. Однако мусульмане в положительных оценках роли иммигрантов лидируют (от 10% в Бельгии и Дании до 25% во Франции).

Необходимо отметить достаточно лояльное отношение большинства опрошенных европейцев к иммигрантам. 22,6% респондентов считают возможным позволить многим иммигрантам такой же расы или этнической группы въезжать и жить на территории их государства, и лишь 8,4% оказались настроены радикально против, причем такие настроения в большей степени распространены в Португалии (26,2%), Венгрии (16,7%), Испании (13,1%), Болгарии (12,5%), на Кипре (11,2%) и в России (10,7%). Характер влияния иммиграции на экономику страны оценивается жителями Европы скорее как отрицательный (61,5%), однако около трети опрошенных все же отмечают ее положительные свойства для экономического развития своих стран: в Швейцарии — 66,6%, Испании — 52,8%, Норвегии — 49,4%, Швеции — 46%.

Более контрастно распределились мнения европейцев на вопрос о том, подрывают или обогащают иммигранты культурную жизнь их стран: 67,7% считают, что влияние иммиграции на культурную сферу жизни имеет негативный эффект

(Болгария — 47,7%, Кипр — 81,4%, Эстония — 63,7%, Франция — 54,1%, Великобритания — 62,8%, Венгрия — 60,1%, Португалия — 53,5%. Россия — 81,6%, Словения — 60,9%, Словакия — 75,2%), и лишь одна треть опрошенных полагает, что иммиграционные процессы носят положительный характер в процессе формирования культурного облика страны (Бельгия — 57,4%, Швейцария — 58,9%, Дания — 58%, Испания — 54,1%, Финляндия — 82,2%, Норвегия — 56,1%, Польша — 65,8%, Швеция — 73,9%). Несмотря на это, две трети опрошенных сходятся во мнении о том, что иммиграция делает страну худшим местом для проживания, и лишь жители стран с высоким социальным уровнем жизни отмечают, что иммиграция положительно сказывается на общем качестве жизни в стране: Дания — 51,3%, Финляндия — 46,3%, Швеция — 56,5%. И хотя отношение европейцев к проблемам миграции можно оценить как достаточно толерантное, практически половина из них считает, что европейская интеграция зашла слишком далеко и не считают правильным ее дальнейшее распространение.

Насколько действенны механизмы и потенциал толерантности в подобных условиях? В России, по мнению опрошенных, вне зависимости от принадлежности к конфессии, только 0,6% испытывают дискриминацию по религиозному признаку, что свидетельствует о высоком уровне религиозной терпимости по отношению к людям с иным мировоззренческим выбором. В Европе о дискриминации в зависимости от веры говорят также небольшое число опрошенных — чаще всего во Франции 2,7%, в Швеции — 2,1%, Англии — 5%.

Рис. 3

Причем гораздо чаще об этом заявляют приверженцы ислама — в Швеции и Бельгии каждый десятый мусульманин испытывает ущемление по религиозно-

му признаку, во Франции — каждый пятый мусульманин, в Германии — каждый шестой, в Испании — каждый четвертый. Это свидетельствует о сложном пути нахождения сегодняшнего способа сосуществования различных религиозных групп в европейском культурном ареале, в отличие от российской исторической традиции долговременного совместного сосуществования различных религиозных систем в рамках единого социокультурного пространства.

Именно понимая специфику России как поликонфессиональной страны и той роли, которую играет религия в идентификационных процессах и в поле современной политики, для избежания деструктивных сценариев в межконфессиональных отношениях необходимым представляется обеспечение религиозной толерантности, когда основными предпосылками установления доброжелательных цивилизованных взаимоотношений между всеми гражданами, каких бы мировоззренческих принципов они не придерживались, является соблюдение в полной мере принципа свободы совести. Данные положения представляются аксиоматическими, однако при конкретном анализе различных сторон свободы совести, реальных возможностей и условий ее реализации в России очевидными становятся нерешенные вопросы, препятствия различного характера, фиксируемого общественным мнением, а также актуализировавшаяся проблема религиозной нетерпимости, именно вследствие актуализации религиозной принадлежности как устойчивого основания идентичности.

Среди совокупности причин, вызывающих возникновение религиозных предрубеждений и интолерантности, приоритетной (наряду с социально-экономическими) представляется культурная и нравственная деградация. При этом наиболее негативное отношение вызывают такие деструктивные тенденции в духовно-нравственной и культурной сферах, которые создают для религиозной нетерпимости питательную среду или же прямо его провоцируют — дискредитация традиционных религиозных и нравственных норм, отечественной истории и культуры, засилье примитивной масскультуры, распространение новых религиозных движений деструктивного характера. Катализатором религиозной нетерпимости может стать и экстремизм политический, характерными чертами которого являются безответственный популизм и использование религиозной проблематики недалководидными политиками. Использование религиозной риторики, эксплуатирующей наиболее сильные и экзальтированные нерациональные струны общественной психологии, использование подмены понятий «террорист» и «мусульманин», или «экстремизм» равно «терроризм», или «русский значит православный» и прочее прямым следствием имеют распространение нетерпимости среди населения страны.

Для утверждения идей толерантности и снижения уровня нетерпимости в многонациональной и поликонфессиональной России чрезвычайно важно задействовать миротворческий и гуманистический потенциал массовых традиционных религиозных организаций, особенно в сфере милосердия и благотворительности, а также в тех аспектах общечеловеческих гуманитарных ценностей, в которой большинство религий являются единомышленниками. Поэтому в просветительской и пропагандистской деятельности необходимо акцентировать вни-

мание не на том, что их разделяет, а наоборот, на объединительных моментах. И здесь многое зависит от консолидированных условий государства, религиозных и общественных организаций, отдельных граждан в их понимании важности многостороннего сотрудничества сообществ с различными религиозными идентичностями, культурными кодами, которое достигается реальным и массовым, а не верхушечным, как правило, лишь широко декларируемым диалогом, отказе от разделения культур на развитые и отсталые, а религий — на истинные и неистинные, неполноценные. Именно такие принципы позволят России найти «золотую середину» между современными изменениями, сохранением своей устойчивости и местом в Европе и мире.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А.* О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. — М.: МГУ, 2001.
- [2] *Бауман З.* Глобализация. Последствия для общества и человека. — М., 2004.
- [3] *Бэтти Э. Риэрдом.* Толерантность — дорога к миру. — М., 2001.
- [4] *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М., 2003.
- [5] На пути к толерантному сознанию. — М., 2000.
- [6] *Романенко Л.М.* Лики российской толерантности. Размышления участницы симпозиума // Полис. — 2002. — № 6.
- [7] *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка / Под ред. Н.Ф. Татьянченко. — М.: Альта-Пресс, 2005.

TOLERANCE AS A CALL OF MODERNITY: RELIGIOUS FOUNDATIONS OF IDENTITY IN RUSSIA AND EUROPE

M.M. Mchedlova

The Department of Comparative Political Studies
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

In the given article are considered the issues of influence of current state of religiousness in Russia and Europe on socio-political realities. The stress is made on a problem of actualization of religion as a basis of cultural-civilization identity that demanded new political strategies. These strategies are necessary based on the principle of tolerance.